

18+ Алексей Королевский

Незримая весна

Православные рассказы

Алексей Королевский

Незримая весна.

Православные рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73173939

ISBN 9785006905702

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Сборник рассказов «Карта незримой весны» – это глубокое художественное исследование человеческой души в декорациях современного мира. Через призму повседневности – от ритмов мегаполиса до тишины уединенных раздумий – автор сборника ведет читателя к обретению подлинных смыслов. Каждая история становится своего рода «алгоритмом несотворенного», позволяющим разглядеть сквозь «изнанку суеты» отблески Вечности.

Содержание

НЕЗРИМАЯ ВЕСНА	5
ЧЕРНОВИКИ ВЕЧНОСТИ	14
РЕСТАВРАЦИЯ НАСТОЯЩЕГО	23
БЕРЕГ НА ДРУГОМ КОНЦЕ ПРОВОДА	33
АНТИФОН НОЧНОГО ГОРОДА	41
КОЭФФИЦИЕНТ ПРОЗРАЧНОСТИ	51
ЭШЕЛОН ТИХОЙ ПОМОЩИ	61
МИНУС ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Незримая весна

Православные рассказы

Алексей Королевский

Иллюстратор ChatGPT

© Алексей Королевский, 2026

© ChatGPT, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-0570-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕЗРИМАЯ ВЕСНА

«История о том, как отказ от привычного комфорта ради ближнего может стать самым трудным, но и самым важным путешествием в жизни. Четверо успешных друзей меняют фешенебельный курорт на поездку в дом-интернат для детей с особенностями развития, чтобы обнаружить, что милосердие – это не красивые жесты, а тяжелый труд, грязь на ботинках и свет, пробивающийся сквозь усталость.»

В кофейне пахло жареными зёрнами и дорогим парфюмом, но за столиком у окна висело тяжелое, грозное молчание. На столе лежал планшет с открытой картой области, а рядом – распечатка бронирования катамарана в Средиземном море, перечеркнутая жирным маркером.

– Ты ведь понимаешь, что это безумие? – Герман нервно постукивал золотой запонкой по столешнице. – Мы планировали этот чартер полгода. Полгода, Илья! А теперь ты предлагаешь нам месить грязь в какой-то глуши вместо того, чтобы пить просекко на палубе?

Илья, высокий, широкоплечий мужчина с упрямым лбом, спокойно помешивал остывший американо. Рядом сидела Вероника, теребя край шелкового шарфа. Она выглядела

растерянной. Четвертый участник их компании, Лука – тихий, всегда немного отстраненный архитектор, – смотрел на улицу, где апрельский ветер гонял прошлогоднюю листву.

– Герман, мы не отменяем отдых, – наконец произнес Илья. – Мы меняем локацию. И вектор. Деньги за чартер нам вернули не полностью, но того, что осталось, хватит, чтобы закрыть дыры в бюджете интерната в Сосновке. Отец Ипполит написал, что у них крыша в трапезной течет, а на Пасху обещают ливни.

– И мы, конечно, едем держать тазики? – съязвил Герман.

– Мы едем, чтобы устроить детям праздник. Настоящий. Не просто выгрузить коробки с конфетами и сбежать, пока сок не допили, а побыть с ними. Встретить Пасху там.

Вероника подняла глаза. В них читался страх, но и какое-то странное, робкое любопытство.

– Илья, но я не умею... с такими детьми. Это ведь ПНИ? Психоневрологический?

– Они просто дети, Ника. Им не нужны твои навыки менеджера. Им нужны руки и глаза.

Лука повернулся от окна и тихо сказал:

– Мы слишком привыкли покупать радость. Может, пора попробовать её создать?

Через два дня два тяжелых внедорожника, груженных под завязку коробками, стройматериалами и продуктами, свернули с федеральной трассы на разбитый проселок. Весна в этом году была затяжной, холодной. Поля стояли черные, пропитанные влагой, небо висело низко, цепляясь серым брюхом за макушки елей.

До Сосновки добирались пять часов. Последние тридцать километров дороги напоминали полосу препятствий. Герман, сидевший за рулем второй машины, уже не ругался – он сосредоточенно крутил руль, пытаясь не посадить дорогой автомобиль в глинистую колею. Лоск столичного бизнесмена слетал с него вместе с брызгами грязи, летевшими на лобовое стекло.

Интернат встретил их тишиной и лаем огромного лохматого пса по кличке Туман, который сидел в будке у ворот, не смея, однако, выбегать навстречу гостям. Здания были старые, советской постройки, но ухоженные. Побеленные бордюры, чистые дорожки – бедность здесь прикрывали старанием.

На крыльце их ждал отец Ипполит – невысокий, сухонь-

кий священник в потертом подряснике и старых резиновых сапогах. Его борода была совершенно белой, а лицо – дубленным ветрами, как у старого моряка.

– Доехали, слава Богу, – улыбнулся он, и от этой улыбки морщины вокруг глаз разбежались лучиками. – А мы уж боялись, развезло дорогу-то. Антоновна, встречай благодетелей!

Директор, Антонина Павловна, женщина строгая, но с уставшими глазами, сразу взяла быка за рога. Никаких церемоний, чаепитий и долгих речей. Разгрузка. Герман, ожидавший, возможно, торжественной линейки, оказался в цепочке передающих мешки с картошкой и коробки с памперсами. Илья и Лука таскали рулоны рубероида.

Вероника осталась в холле. К ней подошла девочка лет десяти. У неё был сложный диагноз, скованные движения, но взгляд – ясный и пронзительный. Девочка протянула руку и потрогала рукав пальто Вероники.

– Мягко, – сказала она с трудом.

Вероника замерла. Весь её столичный лоск, защита, которую она выстраивала годами, рухнула от одного этого слова. Она присела на корточки.

– Меня Вероника зовут. А тебя?

– Дуня, – улыбнулась девочка.

Вечером, когда стемнело, началась настоящая работа. Оказалось, что праздник – это не шарики развешивать. Это мыть полы в храме, потому что у единственной уборщицы радикулит. Это чистить картошку на сто пятьдесят человек в огромных чанах на кухне. Герман, который дома не знал, как включается посудомойка, сидел на низком табурете с ножом в руках и монотонно срезал кожуру с клубней. Рядом с ним сидел Вася – парень из старшей группы, с синдромом Дауна.

– А ты на машине приехал? – спрашивал Вася.

– На машине, – кивал Герман.

– На большой? Красной?

– На черной. И очень грязной теперь.

Вася засмеялся, искренне, заливисто. И Герман вдруг поймал себя на том, что улыбается. Не вежливой улыбкой для партнеров, а просто так.

Суббота прошла в суете. Илья с Лукой и местным трудовиком латали крышу трапезной под морозящим дождем. Вероника помогала нянечкам в отделении для лежачих («Милосердие», как называли этот корпус). Она кормила с ложечки детей, которые никогда не встанут. Сначала её мутило от запаха лекарств и хлорки, от вида искаженных тел. Но потом, когда она встретила глазами с мальчиком, который

не мог говорить, но все понимал, её накрыло волной стыда за свои мысли о «испорченном отпуске».

Самое сложное началось ночью. Пасхальная служба.

Храм при интернате был крохотный, переделанный из старого актового зала, но с настоящим алтарем. Детей, кто мог ходить, привели. Тех, кто был в колясках, привезли. В тесноте, в духоте, среди сотен свечей стояли друзья, привыкшие к просторным соборам или пустым VIP-ложам.

Когда пришло время Крестного хода, отец Ипполит командовал:

– Мужики, разбираем коляски! Сами не проедут, грязь.

Илья, Герман и Лука взяли за ручки инвалидных кресел. На улице лил дождь. Настоящий весенний ливень. Дорожка вокруг храма превратилась в месиво. Колеса вязли. Коляски были тяжелыми – в них сидели не малыши, а подростки.

Герман толкал коляску с тем самым Васей. Колеса буксовали. Ноги разъезжались в жижу. Дождь хлестал по лицу, заливал за шиворот дорогой куртки. Вася в дождевике радостно гудел, пытаясь подпевать хору: «Воскресение Твое, Христе Спасе...»

– Давай, родной, давай! – рычал сквозь зубы Герман, налегая всем весом. Это было тяжелее любого фитнеса. Это была борьба с земным притяжением, с собственной брезгливостью, с усталостью.

Илья толкал коляску с Дуней. Он поскользнулся, упал на одно колено прямо в лужу, но ручку не отпустил. Встал, весь в грязи, и продолжил путь. Вокруг пели: «И нас на земле сподоби чистым сердцем Тебе славить».

Когда они, мокрые, грязные, запыхавшиеся, ввалились обратно в притвор храма, отец Ипполит, сияющий, как пасхальное яйцо, уже возглашал:

– Христос Воскресе!

– Воистину Воскресе! – грянул нестройный, но мощный хор детских голосов. Кто-то кричал, кто-то мычал, кто-то просто стучал ладонью по подлокотнику коляски.

И в этот момент Герман посмотрел на свои руки – грязные, с оцарапанными костяшками. Посмотрел на Васю, который сиял от счастья. И вдруг почувствовал, как в груди развязывается тугой узел, который он носил там годами. Узел вечной гонки, конкуренции, страха не успеть, не заработать, не соответствовать.

После службы было разговение в той самой трапезной с уже починенной крышей. Столы ломились не от омаров, а от куличей, крашенных яиц и простой колбасы. Но вкуснее этой еды друзьям не казалось ничего в жизни.

Илья сидел рядом с отцом Ипполитом и пил чай из щербатой кружки.

– Отец, – спросил он тихо, – как вы тут выдерживаете? Каждый день – боль.

– А где её нет, Илюша? – священник огладил бороду. – В миру боли больше, там она от пустоты. А здесь боль есть, но пустоты нет. Здесь Бог близко. У Него здесь приемная.

Вероника спала на стуле, положив голову на плечо Луке. Она так и не смыла тушь, которая потекла во время службы, но лицо её было спокойным, как у ребенка.

Уезжали они через день. Дорогу немного подсушило солнце, которое наконец-то пробилось сквозь тучи. Туман, дворовый пес, провожал машины до ворот, лениво виляя хвостом.

В салоне внедорожника пахло сыростью, воском и чем-то неуловимым – может быть, ладаном, впитавшимся в одежду. Герман вел машину молча. Илья смотрел на проплывающие мимо поля, которые уже начали зеленеть.

– Знаешь, – нарушил тишину Герман, когда они выехали на асфальт. – Я тут подумал насчет того тендера, из-за которого я психовал перед отъездом.

– И что?

– Да плевать на него. Выиграем – хорошо. Нет – значит, не наше. А вот Васке я обещал кроссовки нормальные привезти. У него нога нестандартная, ортопедические нужны. Надо будет найти.

Илья улыбнулся, глядя на свое отражение в боковом зеркале. Там, за спиной, осталась «Сосновка» – точка на карте, которой не было в их планах, но которая перечертила всю их внутреннюю географию. Они везли туда праздник, думая, что они – дарители. А уезжали с полными карманами света, понимая, что главные подарки получили они сами. И этот «сувенир» не выцветет, не потеряется и не выйдет из моды.

ЧЕРНОВИКИ ВЕЧНОСТИ

«История о молодом специалисте по эффективности, который, пытаясь „оптимизировать“ жизнь одиноких стариков, обнаруживает, что настоящая жизнь не поддается алгоритмам, а старость – это не угасание, а подготовка к главной встрече.»

Никита жил в мире, расчерченном на тайм-слоты, дедлайны и KPI. В свои двадцать семь он уже руководил отделом оптимизации процессов в крупной логистической компании. Его жизнь напоминала идеально настроенный механизм швейцарских часов: подъем в 6:00, пробежка, смузи, работа, саморазвитие, сон. Ни одной лишней минуты. Ни одного случайного движения.

В волонтерское движение «Рука помощи» он попал случайно – корпоративная этика требовала участия в социальных проектах для улучшения имиджа. Никита подошел к делу профессионально: он решил, что просто перечислять деньги – неэффективно. Нужно увидеть процесс изнутри, чтобы понять, как оптимизировать доставку продуктов старикам.

– Вы поймите, – объяснял он куратору в первый день, поправляя умные очки в тонкой оправе. – Если мы составим

карту маршрутов и будем использовать курьеров на электро-самокатах, мы охватим на 30% больше подопечных за то же время.

Куратор, уставшая женщина с добрыми глазами, молча выдала ему список из трех адресов.

– Просто сходи. Поговори. Им не самокаты нужны, Никита. Им нужен человек.

Никита хмыкнул. «Человеческий фактор» он всегда считал самым слабым звеном любой системы.

Первым в списке значился Фрол Фомич. Старая «хрущевка» на окраине, запах сырости в подъезде и лифт, который, казалось, помнил еще запуск Гагарина. Никита нажал на звонок, мысленно засекая время: пятнадцать минут на визит, не больше.

Дверь открылась не сразу. На пороге стоял старик, похожий на высохшее, но крепкое дерево. Седая борода, ясные, словно вымытые дождем глаза и старенькая, застиранная рубашка, застегнутая на все пуговицы.

– Доставка продуктов, – бодро отрапортовал Никита, протягивая пакет. – Гречка, масло, чай. Все по списку. Могу построить вам автозаказ, чтобы не ждать волонтеров.

Фрол Фомич улыбнулся, и от этой улыбки морщины на его лице разбежались лучами.

– Проходи, мил человек. Чай пить будем. У меня с чабрецом.

– Спасибо, я спешу. У меня еще два адреса, – Никита посмотрел на часы.

– А куда спешишь-то? – тихо спросил старик. – Время – оно ведь не убегает. Это мы бежим.

Никита все-таки зашел – «для галочки». Квартира Фрола Фомича поразила его своей... тишиной. Здесь не работал телевизор, не гудел холодильник. В красном углу теплилась лампада, освещающая темные лики икон. На столе лежала огромная книга с пожелтевшими страницами – Псалтирь.

– Вы тут совсем один? – спросил Никита, оглядывая скромное убранство. – Может, вам радио принести? Или планшет? Можно аудиокниги слушать.

– Зачем? – удивился Фрол Фомич. – Я не один. У меня гостей полон дом каждый день.

Никита насторожился. Деменция?

– Каких гостей?

– Да вот, – старик кивнул на иконы. – Николай Чудотворец заходит, батюшка Серафим. А ночью, бывает, и сам Ангел

Хранитель рядом сядет. Мы беседуем.

Никита усмехнулся про себя. «Типичный механизм психологической защиты при социальной изоляции».

Но визиты продолжались. Никита, сам не понимая почему, возвращался к Фролу Фомичу снова и снова. Его раздражала иррациональность старика. Фрол Фомич мог часами смотреть на луч солнца, ползущий по половице, и утверждать, что это важнее биржевых сводок. Он никогда не жаловался. У него болели ноги, протекала труба в ванной (которую Никита починил, вызвав мастера), пенсии едва хватало, но Фрол Фомич всегда был... радостным. Не весело-возбужденным, как коучи на тренингах, а глубоко, мирно радостным.

Однажды Никита застал старика лежащим. Тот тяжело дышал, но в руках держал четки.

– Врача? – Никита схватился за смартфон.

– Не надо, – прошептал Фрол Фомич. – Отец Савватий был утром. Причастил. Я, Никитушка, домой собираюсь. Чемоданы собрал.

Никита огляделся. Никаких чемоданов не было.

– Вы бредите. В больницу надо!

– Дурачок ты, – ласково сказал старик. – Тело – это так,

упаковка. Душа домой хочет. Ты вот, Никита, все бежишь, все строишь... А фундамент-то на песке. Черновики пишешь. А жизнь – она чистовик не терпит, переписать не даст.

В тот вечер Никита впервые не пошел на тренировку. Он сидел у постели старика и слушал. Фрол Фомич говорил не о прошлом, как обычно делают старики, а о будущем. О том, что смерти нет, а есть переход. О том, что каждое слово, сказанное в гневе, – это кирпич в стену между тобой и Светом.

– Ты, сынок, думаешь, что ты сильный, потому что у тебя денег много и мышцы крепкие, – шептал старик. – А сила – она в немощи совершается. Когда ты никто, и звать тебя никак, но ты с Богом – ты сильнее всех армий мира.

Фрол Фомич умер через неделю. Тихо, во сне, как и хотел – «непостыдно и мирно». Никита занимался похоронами. Впервые в жизни он столкнулся с системой, которую нельзя было оптимизировать. Ритуальные агенты, документы, кладбищенская глина – все это было грубым, настоящим, неотвратимым.

На отпевании в маленьком храме было всего три человека: Никита, соседка – слепая бабушка Серафима, и какая-то дальняя племянница, приехавшая делить наследство.

Служил отец Савватий – высокий монах с пронзительным взглядом. Когда хор запел «Со святыми упокой», Никита почувствовал, как в горле встал ком. Не тот, от обиды или стресса, а какой-то другой – горячий, плавающий лед внутри.

Он смотрел на восковое лицо Фрола Фомича и вдруг ясно осознал: этот старик в штопаной рубашке был успешнее его. Он прожил жизнь не как черновик, а как шедевр. Он не накопил ничего материального, но ушел богачом, унося с собой любовь и тишину, которой так не хватало Никите.

После похорон Никита зашел в квартиру старика. Племянница уже деловито сгребала в мешки «хлам».

– Вы это куда? – спросил он, указывая на старые книги и иконы.

– На помойку, куда же, – фыркнула женщина. – Квартиру продавать будем. Тут ремонт нужен капитальный, воняет ладаном этим.

– Я заберу, – твердо сказал Никита.

– Да забирайте, мне меньше тащить.

Он прижал к груди старую Псалтирь и простую деревянную икону Спасителя. Они пахли воском и вечностью.

Прошло полгода. В офисе логистической компании многое изменилось. Начальник отдела оптимизации перестал задерживаться до ночи. Он больше не кричал на подчиненных за опоздания. На его столе, рядом с ультрасовременным монитором, стояла маленькая бумажная иконка.

Никита теперь ездил к старикам не по графику. Он подружился с бабушкой Серафимой. Оказалось, что она, будучи слепой, видит людей насквозь лучше любого психолога. Он читал ей вслух ту самую Псалтирь Фрола Фомича, спотыкаясь на церковнославянских словах, а она поправляла его по памяти.

– «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу», – поправляла Серафима, перебирая узловатыми пальцами узелки четок.

– Серафима Ивановна, – спросил однажды Никита, глядя в окно, за которым падал мокрый городской снег. – А почему вы никогда не просите ничего? Ни лекарств получше, ни еды?

Она повернула к нему лицо с закрытыми глазами.

– А у меня всё есть, Никитушка. Христос есть. Ты приходишь. Чего еще желать? Одиночество – это ведь не когда никого нет рядом. Это когда Бога внутри нет. А когда Он есть – весь мир с тобой.

В воскресенье Никита впервые пришел на исповедь к отцу Савватию. Он стоял в очереди, окруженный простыми людьми в пуховиках и платках, и чувствовал себя абсолютно неуместным в своем кашемировом пальто. Ему хотелось сбежать, спрятаться за привычными цифрами и отчетами. Но он вспомнил руку Фрола Фомича – сухую, горячую, сжимающую его ладонь перед смертью.

– Каюсь, – сказал он, склонив голову под епитрахиль. – Каюсь, что жил для себя. Что думал, будто я хозяин времени. Что людей считал ресурсом.

Отец Савватий накрыл его голову тяжелой парчой. В темноте пахло ладаном – тем же запахом, что и в квартире Фрола Фомича.

– Прощаются и разрешаются грехи твои, – прозвучал голос священника, и Никита почувствовал, как с плеч падает невидимый, но невыносимо тяжелый рюкзак, который он тащил все эти годы.

Выйдя из храма, он вдохнул морозный воздух. Город шумел, гудели машины, спешили люди, уткнувшись в телефоны. Но Никита больше не был частью этого бессмысленного броуновского движения. Он остановился, достал телефон и удалил приложение-планировщик.

Затем набрал номер.

– Алло, Серафима Ивановна? Это я. Я сегодня пораньше заеду. Пирогов купил. С капустой, как вы любите. И еще... я нашел запись хора, которую вы просили. Послушаем вместе.

Он пошел к метро, не торопясь, внимательно глядя в лица прохожих. Теперь он знал: каждый из них – не юнит в таблице, а целый мир, который тоже, возможно, ищет путь домой, просто пока еще пишет свои черновики.

РЕСТАВРАЦИЯ НАСТОЯЩЕГО

«Успешный мастер часовых дел Константин Львович умеет чинить сложнейшие механизмы, но десятилетиями живёт со сломанной душой. Древний грех предательства, совершенный в молодости, стал фундаментом его благополучия и его тюрьмой. Лишь встреча с простым священником и старинные часы, которые отказываются идти, подталкивают его к шагу, которого он боялся всю жизнь – к первой настоящей исповеди.»

В мастерской пахло старым лаком, металлической стружкой и временем. Время здесь не текло, как за окном, в суетливом мегаполисе, а капало густыми, тяжелыми каплями: тик-так, тик-так. Стены были увешаны циферблатами – от огромных, с маятниками в человеческий рост, до миниатюрных, карманных, с эмалевыми крышками. Константин Львович, лучший реставратор в городе, сидел, согнувшись над верстаком. В правом глазу у него была зажата часовая лупа, превращающая его лицо в маску киборга.

За окном, в сизой мгле осеннего вечера, мигали красные огоньки пробки. Люди спешили домой, уткнувшись в светящиеся экраны смартфонов, заказывали такси через приложения, листали ленты новостей. А здесь, в полуподвале старого фонда, царил девятнадцатый век.

Константин аккуратно пинцетом подцепил крошечную пружину. Его руки, сухие, с длинными музыкальными пальцами, никогда не дрожали. В профессиональных кругах его называли «Хирургом». Он мог оживить механизм, который молчал сто лет. Но себя оживить он не мог.

В нагрудном кармане его жилета, ближе к сердцу, лежала невидимая, но свинцово-тяжелая плита. Она давила уже тридцать пять лет. С того самого дня, когда его учитель, старый мастер Петр Ильич, слёг с инсультом.

Тогда Константин был молод, амбициозен и беден. У учителя был сын, Миша – талантливый, но слабый, падкий на вино. И была у учителя тетрадь с уникальными чертежами и авторскими наработками, стоящая целое состояние, плюс документы на мастерскую. Когда Петр Ильич потерял речь, Константин воспользовался моментом. Он не украл деньги, нет. Он просто «переписал историю». Подсунул на подпись доверенность, потом ловко оформил бумаги так, что мастерская отошла ему, а не сыну. А тетрадь... тетрадь он просто забрал.

Миша, лишившись отцовского стержня и дела, спился окончательно и сгинул где-то в начале нулевых. Константин же стал мэтром. Он построил империю на украден-

ном фундаменте. Он оправдывал себя годами: «Я спас дело! Мишка бы все пропил за неделю. Я сохранил наследие». Но по ночам, когда город затихал, наследие душило его.

Дверной колокольчик звякнул, разбив тишину. Константин вздрогнул. Обычно клиенты звонили заранее.

На пороге стоял священник. Высокий, худой, в поношенной рясе и куртке поверх неё. В руках он держал большой сверток, замотанный в клетчатый плед.

– Добрый вечер, – голос у священника был тихий, немного скрипучий. – Простите, что без записи. Мне сказали, только вы можете помочь.

Константин снял лупу, потер переносицу.

– Мы закрываемся через пятнадцать минут. Что у вас?

Священник подошел к столу и бережно развернул плед. Там лежали настенные часы. Корпус из темного дуба, резьба в виде виноградной лозы. Константин сразу узнал работу. Это был стиль конца девятнадцатого века, школа Буре, но с доработками... Господи.

Он узнал эти часы. Они висели в кабинете Петра Ильича.

Те самые, что пропали во время хаоса после похорон мастера.

– Откуда они у вас? – хрипло спросил Константин.

– Принесли прихожане, – вздохнул священник. – Нашли на чердаке у родственников. Говорят, они молчат уже лет тридцать. Мы хотели их в трапезную повесить, но они стоят намертво. Я – отец Порфирий, служу тут неподалеку, в храме Святителя Николая.

Константин коснулся холодного дерева. Сердце пропустило удар. Это был знак. Немой укор из прошлого.

– Оставьте, – сухо сказал он. – Я посмотрю. Но это будет дорого.

– Мы понимаем, – отец Порфирий смущенно поправил крест. – Нам собрали немного пожертвований...

– Денег не надо, – перебил Константин, сам удивившись своим словам. – Если починю – возьму... молитвой. Идите.

Священник ушел, а Константин остался наедине с часами. Он вскрыл корпус. Механизм был забит пылью, смазка превратилась в камень. Но главное – между шестернями застрял

посторонний предмет. Маленький, сложенный вчетверо листок бумаги.

Константин пинцетом извлек его. Бумага пожелтела, крошилась. Он развернул её под ярким светом лампы. Почерк был нетвердый, дрожащий – писали явно после первого удара. Это была записка Петра Ильича.

«Костя, я знаю, что ты смотришь на мои чертежи. Я вижу твою жажду. Не бери грех на душу. Мастерская – тлен. Мишу не бросай. Если возьмешь силой то, что дается любовью, часы твоей жизни остановятся».

Константин выронил листок. Он думал, старик не видел. Думал, что тот был в беспамятстве. А он всё знал. И молчал. Оставил записку в любимых часах, надеясь, что ученик найдет её, когда будет проводить профилактику. Но Константин тогда так спешил оформить бумаги, что к часам даже не прикоснулся.

Тридцать пять лет он жил с иллюзией, что он – спаситель бизнеса. А на самом деле он был просто вором, которого пожалела жертва.

В ту ночь он не пошел домой. Он сидел в кресле и смотрел, как за окном занимается серый рассвет. Свинцовая пли-

та в груди раскалилась добела. Ему стало физически трудно дышать. Воздух входил в легкие, но не насыщал. Казалось, он умирает. Не от инфаркта, а от пустоты.

Утром, не брито, в том же жилете, он вышел на улицу. Ноги сами понесли его к небольшому белому храму в глубине дворов, окруженному старыми тополями. У ограды сидел бродячий пёс, рыжий, с рваным ухом, и внимательно смотрел на Константина умными глазами, словно проверял пропуск.

В храме шла Литургия. Людей было немного. Пахло ладаном и теплым воском. Константин встал в угол, спрятавшись за колонну. Ему казалось, что все смотрят на него, что на лбу у него горит слово «ПРЕДАТЕЛЬ».

Вышел отец Порфирий с чашей. Константин не смел подойти. Он дождался конца службы, когда прихожане разошлись, и в храме осталась только пожилая женщина со шваброй, протирающая плиты.

Отец Порфирий вышел из алтаря, снимая поручи. Увидел реставратора, улыбнулся:

– Константин Львович? Неужели уже готово?

– Нет, – голос Константина сорвался на шепот. – Часы стоят. И я стою. Отец Порфирий... мне нужно... я никогда этого не делал.

Священник сразу стал серьезным. Взгляд его изменился – исчезла мягкая приходская приветливость, появилась сосредоточенная глубина врача, видящего открытую рану.

– Идемте

Они встали у аналая, под Евангелием и Крестом. Константин смотрел на распятие. Ему казалось, что Христос отворачивается от него.

– Я слушаю, – тихо сказал священник. – И Господь слушает.

Константин открыл рот, но звука не было. Горло перехватило спазмом. Стыд, накопленный десятилетиями, зацементировался. Как сказать этому чистому человеку, что уважаемый мастер – подлец?

– Не бойтесь, – шепнул отец Порфирий. – Нет греха, непростительного, кроме нераскаянного. Ломайте стену.

И Константин выдохнул. Сначала хрипло, отрывисто, а потом слова полились потоком, перемешиваясь со слезами, которые он не мог и не хотел сдерживать. Он рассказал

всё. Про тетрадь. Про пьяного Мишу, которого он выставил за дверь. Про поддельную подпись. Про записку, найденную вчера. Про то, как каждый успех все эти годы отдавал горечью.

Он говорил и чувствовал, как с каждым словом из груди выходят ржавые гвозди. Его трясло. Это была не просто беседа – это была ампутация гангрены без наркоза.

Когда он замолчал, в храме повисла звенящая тишина. Только потрескивала лампада.

Отец Порфирий не стал читать мораль. Он не ужаснулся, не отшатнулся. Он накрыл понурую голову Константина епитрахилью. Ткань пахла чем-то древним и родным.

– Властью, мне данною, прощаю и разрешаю...

Слова молитвы упали на Константина как холодная вода на человека в бреду. Он выпрямился. Ноги дрожали, но плиты в груди больше не было. Была рана, саднящая, болящая, но чистая.

– Что мне делать, батюшка? – спросил он, вытирая лицо платком. – Мишу не вернуть. Петра Ильича тоже.

– Мертвых не вернуть, но у Бога все живы, – сказал отец Порфирий, глядя ему прямо в глаза. – Молитесь за них. А насчет украденного... Наследники у Михаила остались?

– Я... я не знаю. Я не искал.

– Найдите. Если есть – верните долг. Если нет – отдайте на дела милосердия всё, что считаете не своим. Ваша совесть подскажет меру. Главное – вы запустили механизм покаяния. Теперь не останавливайтесь.

Константин вышел из храма. Осень была той же, серой и сырой, но он видел её иначе. Краски стали ярче. Воздух имел вкус. Рыжий пёс у ворот вильнул хвостом.

Вернувшись в мастерскую, Константин первым делом открыл сейф. Достал старую, потрепанную тетрадь Петра Ильича. Она жгла руки. Потом он сел за компьютер. Не для работы. Он ввел в строку поиска фамилию учителя и имя сына.

Через два часа поисков, звонков знакомым архивистам и копания в базах, он нашел. В пригороде, в небогатом поселке, жил внук Петра Ильича – Кирилл. Работал автомехаником.

Константин Львович надел пальто. Взял тетрадь. Взял документы на мастерскую.

Часы на стене – те самые, с виноградной лозой, которые он так и не собрал до конца, – вдруг издали тихий, но отчетливый звук. «Тик». Маятник, который он, кажется, даже не толкал, качнулся.

Времени было мало, но оно теперь было настоящим. Он вышел в дождь, чувствуя себя не мэтром, не «Хирургом», а подмастерьем, которому предстоит долгий путь к званию Человека.

БЕРЕГ НА ДРУГОМ КОНЦЕ ПРОВОДА

«Рассказ о том, как профессиональные инструкции заканчиваются там, где начинается истинное сострадание. Николай, волонтер кризисной линии, сталкивается с абонентом, непробиваемым для стандартных психологических техник. Лишь искренняя молитва и отказ от „маски“ помогают нащупать нить, удерживающую человека над бездной.»

В офисе стоял густой, настоявшийся запах дешевого кофе и нагретого пластика. Три часа ночи – время, которое врачи скорой помощи и волонтеры «горячих линий» называют «волчьим часом». Именно сейчас, когда город затихает, внутренние демоны начинают говорить в полный голос.

Николай потер переносицу, пытаясь отогнать сонную одурь. На мониторе мигал курсор в пустом окне отчета. Смена выдалась тяжелой: два подростковых бунта, одна паническая атака и три звонка от пожилых людей, которым просто нужно было убедиться, что они еще живы для этого мира.

– Коля, ты как? – тихо окликнула его Римма, старшая смены, проходя мимо с чайником. – Глаза красные.

– Держусь, – улыбнулся он. – «Сила Божия в немощи совершается».

– Это точно, – вздохнула она. – Только немощь у нас в избытке, а вот силы к утру заканчиваются.

Николай кивнул, машинально поправив на столе методичку с заголовком «Протоколы активного слушания». Он знал эти скрипты наизусть: «отзеркаливание», «валидация чувств», «поиск ресурса». Все правильно, все научно. Но иногда, особенно в такие ночи, ему казалось, что он пытается заклеить пробоину в корабле почтовыми марками.

Телефон пискнул, загорелся тревожным красным индикатором. Николай надел гарнитуру, сделал глубокий вдох и перекрестил микрофон – привычка, которую он скрывал от коллег, но без которой не мог начать разговор.

– Служба психологической помощи, слушаю вас, – произнес он ровным, «бархатным» голосом, который ставил себе полгода.

В ответ – тишина. Не пустая, а плотная, тяжелая, как предгрозовое небо. Слышно было лишь чье-то дыхание – прерывистое, свистящее, словно человек стоял на ветру.

– Я здесь, я вас слышу, – мягко повторил Николай. – Вы

можете просто помолчать, если трудно говорить.

– А вы... вы робот или человек? – раздался голос. Мужской, хриплый, прокуренный насквозь. В нем звучала не надежда, а злая ирония.

– Я человек. Меня зовут Николай.

– Николай... – усмехнулся незнакомец. – «Победитель народов». А кого ты победил, Николай? Сон свой победил? Или инструкцию выучил?

Николай напрягся. Агрессия – защитная реакция. Стандартный сценарий.

– Мне кажется, вы злитесь, – произнес он, следуя протоколу. – Это нормальная реакция на боль. Вы хотите обсудить то, что вас тревожит?

– О господи, – простонал голос. – «Мне кажется, вы злитесь». Пункт 4.2 из вашей методички. Скучно, Коля. Вы все одинаковые. Я позвонил попрощаться, а не слушать, как вы отрабатываете грант.

Холод прошел по спине. Это не была истерика. Это было решение. Холодное, взвешенное решение человека, который все уже обдумал.

– Подождите, – Николай подался вперед, сжав подлокот-

ник кресла. – Не вешайте трубку. Давайте просто поговорим. Не по методичке.

– О чем? О погоде? Я сейчас стою там, где погода уже не имеет значения. Знаешь, в чем проблема, психолог? У меня кончилось топливо. Просто бак пуст. Я ехал, ехал, тащил на себе семью, бизнес, долги брата, болезни родителей... А потом мотор заглох. И я понял, что ехать мне некуда. И незачем.

Николай лихорадочно искал слова. «Найдите якорь», «Вспомните о близких» – все это сейчас прозвучит как издевательство. Человек на том конце провода находился в состоянии духовной асфиксии.

Николай закрыл глаза. «Господи, вразуми! – взмолился он про себя. – Я пуст, у меня нет слов. Дай Свои».

В памяти всплыло лицо отца Сергия, его духовника. Старый священник в потертой рясе, от которого пахло ладаном и старыми книгами, как-то сказал ему: «Коля, когда утешаешь, не становись стеной, от которой отскакивают мячики слов. Стань бездной, которая принимает камень и не плещет в ответ. А на дне той безны – Христос».

– Как вас зовут? – спросил Николай, отбросив профессиональную интонацию. Теперь он говорил просто, как попутчик в купе поезда.

– Олег.

– Олег, послушай... Я не знаю твоей боли. Я не имею права говорить, что понимаю тебя. Но я знаю одно: пустота в баке – это не конец машины. Это просто остановка.

– Красиво стелешь, – горько отозвался Олег. – Только заправки нет. Я искал. Везде пусто.

– А ты не там искал, – неожиданно для самого себя твердо сказал Николай. Он нарушал правило нейтральности, он ступал на тонкий лед, но чувствовал, что иначе нельзя. – Ты искал снаружи. В успехе, в деньгах, в благодарности людей. А топливо для души – оно другого октанового числа.

В трубке повисла тишина. Ветер на том конце, казалось, стал тише.

– Ты верующий, что ли? – спросил Олег. В голосе появилось настороженное любопытство.

– Я тот, кто тоже однажды заглох, – честно ответил Николай. – Посреди трассы, ночью, под дождем. Я думал, что я бракованный. Что меня списали.

– И что? Прилетел волшебник в голубом вертолете?

– Нет. Пришла тишина. Я перестал барахтаться и кричать «я сам». Я сказал: «Господи, если Ты есть, возьми этот руль, потому что я сейчас въеду в столб».

Олег молчал. Николай слышал, как тот чиркнул зажигалкой.

– И Он взял? – тихо спросил Олег.

– Не сразу. Но Он сел рядом. Знаешь, Олег, самое страшное – это не боль. Самое страшное – это одиночество в боли. Ад – это место, где ты абсолютно один. А мы сейчас с тобой разговариваем. Значит, ад еще не наступил. Между нами есть связь. Тонкая, электрическая, но она есть. Ты слышишь мой голос?

– Слышу.

– Значит, ты не один.

Николай достал из ящика стола маленькую бумажную иконку «Спас Нерукотворный», посмотрел на строгий и милостивый Лик.

– Олег, у тебя есть право на слабость, – продолжил он. – Ты устал быть атлантом, который держит небо. Брось это небо. Оно не упадет. Его держит Тот, кто посильнее нас с тобой. Разреши себе быть просто человеком. Разбитым, уставшим, пустым. Бог создает все из ничего. Дай Ему это твое «ничего».

В трубке послышался странный звук – то ли всхлип, то ли кашель.

– Я замерз, – вдруг сказал Олег совсем другим голосом. Голосом продрогшего ребенка.

– Уходи с ветра, – попросил Николай. – Пожалуйста. Найди теплое место. Где ты сейчас? Не говори адрес, просто скажи – там есть люди?

– Тут кафе круглосуточное рядом. Огни горят.

– Иди на свет. Закажи горячий чай. Самый сладкий, какой есть. Это первая задача. Выполнимая?

– Выполнимая... – эхом отозвался Олег.

– А завтра... завтра, если захочешь, сходи в храм. Просто постоять. Не надо ничего просить, не надо ставить свечи, если не хочешь. Просто постой там, где веками люди оставляли свою боль и получали надежду. Попробуй нащупать ту Резервную Частоту.

Пауза затянулась. Николай слышал, как бьется его собственное сердце.

– Спасибо, Коля, – сказал Олег. – Ты... ты странный психолог. Неправильный.

– Какой есть, – выдохнул Николай.

– Я пойду. В кафе. Чай пить.

– С Богом, Олег. Береги себя.

Связь оборвалась. Пошли гудки.

Николай медленно снял гарнитуру и положил ее на стол.

Руки слегка дрожали. Он чувствовал себя так, словно разгрузил вагон с углем, но внутри разливалась удивительная, звенящая легкость.

К столу подошла Римма.

– Тяжелый был? – спросила она, заметив его состояние.

– Живой, – ответил Николай.

Он посмотрел в окно. Над городом занимался рассвет, окрашивая серые крыши в цвет надежды. Где-то там, в лабиринте улиц, человек по имени Олег пил горячий чай и смотрел на свет, решив отложить тьму еще на один день.

Николай достал телефон и написал сообщение отцу Сергию: «Отче, помолитесь о рабе Божиим Олеге. И о недостойном Николае». Ответ пришел почти мгновенно, словно священник тоже не спал: «Бог милостив, Коля. Молимся. Свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Смена заканчивалась. Николай знал, что вернется сюда снова. Потому что где-то на другом конце провода кто-то обязательно будет искать берег, и кто-то должен держать фонарь, даже если сам порой с трудом видит дорогу.

АНТИФОН НОЧНОГО ГОРОДА

«История о Егоре, работнике ночной аптеки, который в часы предрассветной тишины находит забытую на прилавке Псалтирь. Скептицизм сменяется удивлением, когда древние строки начинают удивительным образом переплетаться с судьбами случайных посетителей, превращая обычное дежурство в духовное открытие.»

Стеклянные двери разъехались с тихим шелестом, впуская внутрь порцию сырого осеннего воздуха и мужчину в мокром плаще. Егор, дежурный фармацевт круглосуточной аптеки, привычно поправил бейдж. Три часа ночи. Самое глухое время, когда город похож на огромный, устало дышащий механизм, поставленный на паузу.

– Доброй ночи, – посетитель, седовласый, с окладистой бородой, говорил тихо, но голос его странным образом заполнил всё пространство торгового зала, перекрыв даже назойливое гудение холодильника с пробиотиками. – Мне бы что-нибудь от першения в горле. Служить завтра рано, а связки, сами понимаете...

Егор кивнул. Он сразу определил: священник. Было в этих людях что-то неуловимое – не в одежде (посетитель был в обычном черном пальто), а во взгляде. Спокойном, не бе-

гающем, словно у человека есть время, которого нет у других.

– Вот, возьмите пастилки с шалфеем и исландским мхом. Лучшее, что есть, – Егор выбил чек.

– Благодарю вас. Спаси Господи.

Мужчина расплатился, аккуратно убрал блистер в карман и вышел, растворившись в ночной мороси. Только когда автоматические двери сомкнулись, Егор заметил на прилавке, возле монетницы, небольшую книгу в твердом темно-синем переплете. Забыли.

Он вышел из-за стойки, но улица была пуста. Только желтый свет фонарей отражался в лужах. Егор вернулся, взял находку в руки. На обложке золотым тиснением было выведено: «Псалтирь». Книга была не новой, уголки потерты, а между страниц виднелось множество закладок-ленточек.

– Ну вот, – вздохнул Егор. – Теперь ждать, пока хватит. А если проезжий?

До конца смены оставалось еще пять часов. Смартфон разрядился, зарядку он благополучно забыл дома, а кроссворды в журнале были разгаданы еще до полуночи. От скуки и профессиональной привычки все систематизировать,

он открыл книгу. Думал просто пролистать, оценить шрифт, может быть, прочесть пару строк, чтобы понять, на каком языке написано – на современном или на том, церковном, с непонятными буквами.

Текст был на русском, но с параллельным церковнославянским. Егор наугад открыл середину. Псалом 37. Глаза скользнули по строкам: «Не оставь меня, Господи, Боже мой! Не удайся от меня; поспеши на помощь мне, Господи, Спаситель мой!».

Странно. Он ожидал увидеть какие-то сухие инструкции, догматы или нравоучения. А здесь был крик. Живой, пульсирующий крик человека, которому больно, страшно и одиноко. Это было так похоже на то, что Егор видел каждую смену через бронированное стекло кассы.

Дверь снова открылась. Влетел парень в капюшоне, дерганый, бледный. Взгляд бегал по витринам.

– Слышь, отец, дай шприцы. Пятерки. И воды.

Егор молча выложил требуемое. Парень швырнул мелочь, схватил покупку и исчез. Руки у него дрожали. Егор посмотрел на закрывшуюся дверь, потом опустил взгляд в книгу. Псалом 6: «Помилуй меня, Господи, ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены».

«Надо же, – подумал Егор. – Это ведь про него. И про того старика, что приходил за сердечными каплями в час ночи. И про женщину, которая вчера плакала, покупая тест на беременность».

Он перелистнул страницу. Тишина аптеки перестала быть пустой. Обычно по ночам Егор слушал аудиокниги или радио, чтобы заглушить давящее безмолвие стеллажей с лекарствами. Ему казалось, что он сидит на складе человеческих бед: вот полка с болью в суставах, вот полка с давлением, вот – с желудочными коликами. А теперь, читая древние строки, он вдруг почувствовал, что у всей этой боли есть какой-то противовес. Словно кто-то огромный и сильный стоит рядом и говорит: «Я знаю. Я слышу».

В четыре утра зашла молодая женщина. Лицо заплаканное, косметика размазана.

– У вас есть что-нибудь сильное успокоительное? Без рецепта? Я не могу спать. Вообще не могу. Мысли крутятся, как в центрифуге.

Егор профессионально оценил состояние. Ей нужна была не химия, а разговор, но он не психолог, он фармацевт. Он предложил травяной сбор и легкое седативное.

– Возьмите. Это поможет расслабить мышцы.

Женщина достала карту, руки её тряслись, она никак не могла попасть пин-кодом. Слезы снова покатались по щекам.

– Простите... Я просто... У меня муж в больнице. Операция идет сейчас. Ночная. Экстренная.

Егор замер. Взгляд его упал на открытую страницу Псалтири, лежащую чуть в стороне, вне поля зрения покупательницы. Псалом 19: «Да услышит тебя Господь в день печали, да защитит тебя имя Бога Иаковлева».

Слова сами сорвались с языка. Он не планировал этого, он вообще был человеком далеким от религии, считал себя «сочувствующим агностиком». Но фраза всплыла в памяти, как самая точная формула для данного момента.

– Знаете, – тихо сказал Егор, пробивая чек. – Там сказано: «Иные – колесницами, иные – конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся. Они поколебались и пали, а мы встали и стоим прямо».

Женщина подняла на него удивленные глаза. В них на секунду застыло недоумение, которое сменилось странным, робким светом.

– Это... стихи?

– Это очень старое лекарство, – уклончиво ответил Егор. –

Говорят, помогает держать спину прямо, когда земля уходит из-под ног. Всё будет хорошо с вашим мужем.

Она ушла, сжимая в руке пакетик с лекарствами, но плечи её, до этого судорожно приподнятые, чуть опустились. Егор выдохнул. Сердце колотилось. Что это было? Он почувствовал себя не просто продавцом таблеток, а кем-то, кто передал важную телеграмму.

Он вернулся к чтению. Теперь он не просто пробегал глазами текст, он пробовал его на вкус. «Светильник ногам моим закон Твой и свет стезе моей». В ночной аптеке, залитой холодным люминесцентным светом, эти слова звучали парадоксально тепло. Он вдруг понял, почему у забывчивого священника был такой спокойный взгляд. Если каждый день принимать эти «таблетки» смысла, то, наверное, иммунитет к отчаянию становится железным.

Около пяти утра к окошку подошел наряд полиции – ППСники, дежурившие в районе. Ребята молодые, уставшие, в бронежилетах.

– Нам бы гематогену, командир. И воды. Сил нет, смена дурная выдалась.

Егор отпустил товар. Один из полицейских, сержант с юным лицом, заметил книгу.

– Ого, читаете? Серьезная литература. Помогает?

– Помогает не спать на посту, – улыбнулся Егор. – Работает лучше кофеина.

– Это точно, – хмыкнул полицейский. – Нам бы такой защиты. А то ходим, как по минному полю.

«Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится», – пронеслось в голове у Егора девяностый псалом. Он не сказал этого вслух, но посмотрел на ребят с неожиданной теплотой. Раньше они были для него просто частью городского пейзажа, функцией. Теперь он видел в них людей, нуждающихся в том самом «крове».

К рассвету книга была прочитана почти на треть. Егор открыл для себя, что царь Давид, автор большинства этих текстов, был воином, поэтом, грешником и святым одновременно. Что он знал страх погони, горечь предательства друзей и радость внезапного спасения. Это не было «елейным чтивом». Это была жесткая, честная мужская проза, положенная на ритм сердца.

В семь утра, когда небо за окном начало сереть, а уличные фонари погасли, дверь снова открылась. Вошел тот самый священник. Вид у него был обеспокоенный.

– Простите великодушно, – начал он с порога. – Я, кажется, у вас...

Егор уже протягивал книгу.

– Вы забыли Псалтирь, отец... простите, не знаю имени.

– Отец Мефодий, – священник просиял, прижимая книгу к груди, как возвращенного ребенка. – Спаси Господи! Я уж думал, в такси оставил. А это подарок моего духовника, ей уже лет тридцать, этой книге. Без неё как без рук.

– Я... почитал немного, – признался Егор, чувствуя себя неловко, словно подсмотрел в чужие письма.

– И как? – отец Мефодий посмотрел на него внимательно, с живым интересом.

– Знаете, – Егор задумался, подбирая слова. – Я всю жизнь работаю с рецептами. Там всё четко: действующее вещество, дозировка, способ применения. А здесь... Здесь дозировка бесконечная. И действует сразу на всё.

Священник улыбнулся в усы.

– Так ведь душа – она сложнее организма. Ей анальгин не поможет. Псалтирь – это камертон. Мы за день расстраиваемся, фальшивим, гнемся. А считаешь кафизму – и вроде снова настроился на нужный лад, на частоту Неба.

– На частоту Неба... – повторил Егор. – Красиво сказано. У нас тут, внизу, частота другая. Помехи сплошные.

– А вы приходите, – просто сказал отец Мефодий. – Наш

храм Святителя Николая тут, за углом, в сквере. Вечером сегодня служба будет. Там помех меньше.

Он ушел, а Егор остался досиживать последние полчаса смены. Аптека наполнялась утренним светом. За стеклом просыпался город, спешили люди, гудели машины. Но внутри Егора, там, где обычно ворочались утрення раздражительность и усталость, теперь стояла удивительная, звонкая тишина. Словно кто-то навел порядок на захламленных полках его души.

Он достал листок бумаги и ручку. Написал: «Купить Псалтирь». Подумал и добавил: «Зайти к отцу Мефодию».

Сменщица, шумная и энергичная тетя Галя, ворвалась в аптеку ровно в восемь.

– Ну как дежурство, Егорушка? Спокойно? Наркоманы не лезли? Выручка есть?

Егор снял халат, аккуратно повесил его в шкафчик. Посмотрел на пустой прилавок, где еще недавно лежала синяя книга.

– Дежурство отличное, Галина Петровна. Выручка обычная. А вот прибыль... Прибыль сегодня колоссальная.

– Это как? – не поняла сменщица.

– Нашел средство от бессонницы. Настоящее. Без побоч-

ных эффектов.

Он вышел на улицу. Осенний воздух был свеж и чист. Где-то недалеко, за домами, ударил колокол – начиналась утренняя служба. Егор остановился, прислушиваясь. Раньше этот звук был для него просто фоновым шумом, сигналом, что времени восемь утра. Теперь в каждом ударе он слышал ритм тех древних строк, которые пережили царей, империи и войны, чтобы этой ночью коснуться сердца уставшего аптекаря.

«Всякое дыхание да хвалит Господа», – прошептал он, глядя, как солнце пробивается сквозь серые тучи над панельными многоэтажками. И впервые за много лет улыбнулся не из вежливости, а потому что на душе было легко.

КОЭФФИЦИЕНТ ПРОЗРАЧНОСТИ

«История успешного урбаниста, построившего бизнес на человеческой разобщенности, который сталкивается с хаотичной, неудобной, но исцеляющей реальностью пригородской общины. Рассказ о том, как стремление к идеальному комфорту может стать клеткой, и о том, что настоящая жизнь начинается там, где заканчивается зона личной безопасности.»

Эльдар ненавидел лишние звуки. В его мире, выстроенном с геометрической точностью, любой шум был ошибкой в коде, багом реальности, подлежащим немедленному устранению. Ему было тридцать восемь, и он продавал тишину. Его стартап «Монолит» проектировал пространства «нулевого трения»: капсульные коворкинги, где перегородки поглощали 99% децибел, рестораны с цифровым меню и отсутствием официантов, жилые комплексы с системой «умный консьерж», исключающей встречу с соседями в лифте.

— Мы не продаем квадратные метры, — любил повторять Эльдар на презентациях, поправляя очки в тонкой титановой оправе. — Мы продаем суверенитет. Право не соприкасаться с чужой хаотичной биомассой.

Инвесторы аплодировали. Город, уставший от перенаселения, жаждал стерильности.

В то утро Эльдар ехал осматривать объект для нового флагманского проекта. Старое кирпичное здание бывшей котельной, примыкающее к церковному двору, идеально подходило для переоборудования в «Сенсорный детокс-центр». Проблема была одна: юридическая коллизия с границами участка. Нужно было уладить вопрос с настоятелем местного храма.

Эльдар припарковал свой электрокар, наслаждаясь беззвучным закрытием двери. Осень выдалась сырой, воздух был плотным, пахло прелыми листьями и мокрым асфальтом. Он поморщился: грязь на ботинках не входила в его планы. Храм, стоявший по соседству, казался ему архитектурным анахронизмом – пестрым, нелогичным, нарушающим строгие линии городской застройки.

Он вошел в церковную ограду. Здесь былолюдно и, по меркам Эльдара, вопиюще неорганизованно. Какие-то люди носили доски, женщина в платке отчитывала мужчину за пролитую краску, у крыльца сгруппировались коляски. «Визуальный шум», – диагностировал Эльдар, пробираясь к входу.

Внутри храма было темно и тепло. Шла уборка после службы. Эльдар ожидал увидеть «золоченые интерьеры» и менеджера в рясе, с которым можно быстро обсудить кадастровые номера. Вместо этого он наткнулся на высокого человека в потертом подряснике, который стоял на стремянке и с остервенением тер тряпкой закопченное стекло паникадила.

– Простите, я ищу отца Виталия, – громко сказал Эльдар, стараясь перекрыть шуршание веников.

Человек на стремянке замер, посмотрел вниз. У него было усталое лицо с глубокими складками у губ и внимательные, цепкие глаза.

– Ну, допустим, я, – ответил он, не спускаясь. – Только если вы насчет проверки пожарной безопасности, то огнетушители мы вчера перезарядили. Акт у старосты.

– Я по поводу земли. Участок за северной стеной. Компания «Монолит».

Отец Виталий вздохнул, спустился вниз, вытирая руки о подол.

– А, соседи. Те, что хотят построить бункер для богатых

интровертов? Слышал. Пойдемте в трапезную, здесь пыльно.

Трапезная располагалась в полуподвале. Там пахло щами, воском и почему-то сырой штукатуркой. За длинным столом, покрытым клеенкой в цветочек, сидело несколько человек. Эльдар напрягся. Он не планировал социальных интеракций.

– Садитесь, – отец Виталий указал на табурет. – Евгения, налей гостю чаю. Назар, подвинься, не нависай.

Назар, крупный мужчина с детским выражением лица и расфокусированным взглядом, послушно отодвинулся, прижимая к груди пакет с пряниками. Эльдар сел, стараясь не касаться краев стола рукавами своего кашемирового пальто.

– У нас все просто, – начал Эльдар, открывая планшет. – Мы готовы оплатить перенос забора и благоустройство вашей территории в обмен на два метра отступа. Это выгодно. Мы сделаем вам шумопоглощающий экран. Вы не будете слышать город, город не будет слышать ваши колокола. Полная изоляция.

Отец Виталий взял кружку с чаем, подул на нее.

– А зачем нам изоляция? – спросил он тихо.

– Комфорт, – уверенно ответил урбанист. – Современный человек перегружен. Ему нужно личное пространство, капсула, где он защищен от чужих эмоций, запахов, взглядов. Мы даем людям возможность быть одним.

– Вы даете людям возможность быть в аду, – вдруг сказала женщина, наливавшая чай. Евгения. У нее были красные, заплаканные глаза, но голос звучал твердо.

Эльдар опешил.

– Простите?

– Ад – это не сковородки, – продолжил отец Виталий, отламывая кусок хлеба. – Ад – это абсолютное одиночество. Это когда ты сам себя запер изнутри, и никто не может достучаться. Вы строите красивые камеры одиночного заключения, молодой человек. И называете это элитным жильем.

– Это философия личных границ, – холодно парировал Эльдар. Ему хотелось встать и уйти, но профессионализм требовал закрыть сделку.

– Границы нужны, чтобы знать, где ты заканчиваешься и начинается другой, – священник посмотрел прямо в глаза

гостю. – А не для того, чтобы другого не существовало вообще. Вот Назар, – он кивнул на мужчину с пряниками, – он иногда не чувствует границ. Может обнять незнакомого человека. Это пугает, верно? Но Назар живой. А ваши клиенты в капсулах... они еще живы?

В этот момент Назар вдруг протянул Эльдару пряник. Обычный, дешевый, мятный пряник, уже немного покрывшийся в его руке.

– Бери. Вкусно, – прогудел он.

Первой реакцией Эльдара было отшатнуться. Гигиена. Микробы. Нарушение дистанции. Чужое, неконтролируемое прикосновение. Но он увидел глаза Назара – абсолютно открытые, лишённые той социальной брони, которую носил каждый в кругу общения Эльдара. В этих глазах не было оценки, не было выгоды. Только простое предложение разделить радость от сахара и муки.

Эльдар замер. Вся его «архитектура разделения» вдруг показалась карточным домиком перед этим нелепым жестом. Он машинально взял пряник.

– Женя у нас сына схоронила месяц назад, – вдруг сказал отец Виталий, не меняя тона. – Если бы она сидела в вашей

«капсуле» за шумопоглощающим экраном, она бы уже в окно вышла. А здесь мы вместе плачем. И вместе чай пьем. Это называется «со-борность». Когда чужая боль становится немного твоей, и от этого тому человеку легче, а тебе – спасительнее.

Эльдара посмотрел на Евгению. Она молча кивнула и подвинула к нему вазочку с вареньем.

В кармане Эльдара завибрировал смартфон. Пришло уведомление от системы «умного дома»: «Температура в гостиной скорректирована до идеальных 22 градусов. Жалюзи опущены. Входящие звонки заблокированы. Приятного отдыха».

Он представил свою квартиру. Стерильную, идеально настроенную под его биоритмы, пустую. Там не было пыли, не было запаха шей, не было Назара с крошками, не было заплаканной Жени. Там было безопасно. И там было мертво холодно.

Что-то внутри Эльдара, какая-то туго натянутая струна, на которой держался весь его успех, вдруг лопнула. Звук был беззвучным, но оглушительным. Его затрясло. Это был не панический страх, а осознание чудовищной пустоты, которую он годами полировал и продавал как золото.

– Я... – голос Эльдара дрогнул. Он откашлялся. – Я не буду ставить экран.

Отец Виталий улыбнулся – одними уголками глаз.

– И то слава Богу. А то как же мы услышим, если кому-то плохо станет за стеной?

Эльдар сидел в полуподвале, в пальто за три тысячи долларов, держал в руке надкусанный пряник и слушал, как Назар прихлебывает чай. Впервые за много лет он не чувствовал раздражения от чавканья. Он чувствовал странное, забытое тепло, которое не могла сгенерировать ни одна климат-система.

– У вас... есть работа? – спросил он неожиданно для самого себя.

– Работы полно, – отозвался священник. – Вон, крыльцо южное повело, кирпич таскать надо. Только у нас оплата специфическая. Благодатью.

– Я помогу, – сказал Эльдар. Он снял очки, положил их на клеенку и, подумав, выключил смартфон. – У меня сегодня выходной.

Через час успешный урбанист, создатель пространств «нулевого трения», стоял в цепочке людей и передавал из рук в руки тяжелые, шершавые кирпичи. Он испачкал пальто, содрал кожу на пальце и вспотел. Рядом пыхтел Назар, что-то напевая себе под нос. С каждым переданным кирпичом, с каждым касанием чужой ладони, принимающей груз, Эльдар чувствовал, как рушится невидимая капсула вокруг него.

Он вдруг понял, что прозрачность – это не стекло от пола до потолка. Прозрачность – это способность пропустить через себя свет, не оставив себе ни тени гордыни. И что самый совершенный интерфейс взаимодействия – это просто протянутая рука.

Вечером, уходя, он обернулся. Храм уже не казался ему чужеродным объектом. Он выглядел как единственный живой орган в теле каменного города.

Эльдар сел в машину, но не стал включать автопилот. Ему захотелось самому держать руль, чувствовать дорогу. Он достал телефон и набрал номер своего заместителя.

– Алло, Эльдар Русланович? Мы утвердили макеты для «Сенсорного детокс-центра»?

– Нет, – сказал Эльдар, глядя на крест, темнеющий на фоне закатного неба. – Меняем концепцию. Сносим перегородки. Делаем общий зал. И большие столы. Очень большие столы.

– Но, Эльдар Русланович, это же... это же обычная столовая получится! Мы потеряем целевую аудиторию!

– Мы найдем людей, – ответил он и нажал отбой.

В салоне пахло дорогим парфюмом, но Эльдар едва уловимо чувствовал на своих руках запах ладана и кирпичной пыли. И этот запах нравился ему больше всего на свете.

ЭШЕЛОН ТИХОЙ ПОМОЩИ

«Рассказ о том, что даже самые надежные навигационные системы могут подвести, и тогда единственным ориентиром остается вера. История опытного пилота, который в секунду отчаяния обнаружил, что Небеса ближе, чем высота эшелона.»

В кабине лайнера пахло остывшим кофе и нагретым пластиком. Командир воздушного судна Борис Андреевич любил этот запах – запах контроля, предсказуемости и технического совершенства. Под крылом, на высоте десяти тысяч метров, плыла плотная, ватная темнота, скрывающая под собой хребты Урала.

– Борт 74—12, сохраняйте эшелон триста сорок, – протрещал в наушниках голос диспетчера.

– Принял, триста сорок, – привычно отозвался Борис, слегка коснувшись джойстика, хотя автопилот вел машину безупречно.

Справа сидел второй пилот, молодой и амбициозный Антон. Он был из поколения «цифровых» летчиков: блестяще знал мануалы, но летал больше головой и компьютером, чем, как говорили старики, «пятой точкой». Антон светился уверенностью, отражавшейся в многочисленных диспле-

ях «стеклянной кабины».

– Скучный рейс, командир, – зевнул Антон, поправляя гарнитуру. – Сплошная автоматика. Мы тут как операторы в офисе.

– Не гневи высоту, – буркнул Борис. – Скука в нашем деле – это благодать.

Борис не был воцерковленным человеком в строгом смысле. Он заходил в храм по большим праздникам, ставил свечи «за здравие», но глубоко в таинства не вникал. Однако в нагрудном кармане форменной рубашки, ближе к сердцу, у него всегда лежала маленькая, запаянная в пластик иконка Николая Чудотворца. Подарок тещи, Людмилы Ивановны. Она вручила её ему лет десять назад со словами: «Боря, он – скорый помощник. В небе всякое бывает, а Николай Угодник пути правит».

Борис тогда усмехнулся, но иконку взял. Она стала чем-то вроде талисмана, привычной тяжестью у сердца.

Все изменилось мгновенно. Сначала по лобовому стеклу ударила сухая крупа – странно, на радаре чисто. А через секунду мир раскололся. Ослепительно-белая плеть ударила прямо в нос самолета. Это была не обычная молния, а какой-то чудовищный разряд, пробивший защиту.

Хлопок. Запах озона и паленой проводки. И самое страшное – тишина в эфире и темнота на приборных панелях.

Экраны погасли. Все. Основной авиагоризонт, навигация, параметры двигателей – всё исчезло, словно кто-то выдернул шнур из розетки. В кабине осталась лишь тусклая подсветка резервных аналоговых приборов – крошечных «будильников», на которые в современном полете почти не смотрят.

– Что за... – Антон побелел, судорожно щелкая тумблерами перезагрузки. – Отказ генераторов! Обе шины обесточены! Мы на аккумуляторах!

– Спокойно! – рявкнул Борис, чувствуя, как внутри разливается липкий холод. – Пилотируем вручную. Держи горизонт!

Самолет, лишенный электронных мозгов, стал тяжелым и неповоротливым. За бортом бушевала стихия, которой не было на картах прогноза. Турбулентность швыряла многотонную машину как щепку. Резервный авиагоризонт плясал, гироскоп заваливался. Они были в облаках, ночью, без понимания точных координат, над горами.

– Связи нет! – крикнул Антон, срываясь на фальцет. – Навигации нет! Куда мы летим? Высота падает!

Борис вцепился в штурвал. Опыт подсказывал: они теряют ориентацию. Вестибулярный аппарат в облаках врал, создавая иллюзию крена. «Иллюзия гибели» – так это называли. Ему казалось, что они летят ровно, а прибор показывал пикирование.

– Выводи! Тяни! – скомандовал он себе, но руки дрожали.

Прошло десять минут ада. Они снизились до критической высоты. Где-то внизу, в черной мгле, щерились скалы. Топлива было достаточно, но без навигации они не могли найти аэродром. А аккумуляторы, питающие последние крохи жизни самолета, садились. Свет в кабине тускнел.

– Мы разобьемся, – тихо сказал Антон. Он бросил попытки оживить радио и просто смотрел в черноту за стеклом.

Борис почувствовал, как сердце колотится о ребра, прямо там, где лежал пластиковый прямоугольник. Страх – липкий, животный – подступал к горлу. Он вспомнил лица пассажиров, которых видел при посадке. Семьи, командировочные, студенты. Полторы сотни душ за спиной. И он, командир, бессилен.

Он на секунду отпустил левую руку от РУДов и прижал

ладонь к груди, к карману.

«Николай Угодник, – мысленно, но почти крича, произнес Борис. – Я не знаю молитв. Я грешный мужик. Но там, сзади, люди. Невинные. Людмила говорила, ты правишь пути. Помоги! Возьми штурвал, Отче Николае, я не вижу, куда править! Выведи нас!»

В этот момент самолет тряхнуло так, что зубы лязгнули. Бориса бросило вперед на ремни. И вдруг, сквозь вой ветра и треск пластика, ему показалось, что в кабине стало... тихо. Не акустически – шум остался, но ушла паника. Наступила странная, плотная ясность.

– Командир, смотрите! – выдохнул Антон.

В сплошной пелене облаков, справа по курсу, образовался разрыв. Ровный, круглый, словно кто-то раздвинул занавес. А в этом разрыве, внизу, далеко в чернильной тьме, горел огонек. Не городской фонарь, не фары машин. Это был теплый, золотистый свет.

– Что это? – спросил Антон.

Борис не знал. Но какое-то шестое чувство, то самое, которое он отрицал всю жизнь, толкнуло его: «Туда».

– Доворачиваем вправо, курс на огонь, – скомандовал он твердо.

– Это безумие! Это может быть лесной пожар, да что угодно! Мы сойдем с эшелона в горы!

– Выполнять! – голос Бориса был стальным.

Он направил нос лайнера в этот странный просвет. Самолет слушался на удивление мягко, будто воздух стал плотнее, поддерживая крылья. Они снижались, ориентируясь на единственную светящуюся точку в океане тьмы.

Когда они пробили нижнюю кромку облаков, оказалось, что они вышли в широкую долину. А огонек становился все отчетливее. Это была церковь. Старая, деревянная церковь на холме, купола которой были подсвечены прожекторами снизу. И самое невероятное – расположение этой церкви.

Борис узнал местность. Он летал здесь тысячи раз, но никогда не обращал внимания на этот храм. Церковь стояла точно в створе полосы запасного военного аэродрома, который был закрыт для гражданских и не подсвечивался ночью. Но сейчас, ориентируясь на храм, Борис увидел чуть дальше тусклые, еле заметные огни – кто-то на земле, услышав гул бедствующего самолета, включил аварийную полосу.

– Полоса! Прямо по курсу! Визуальный контакт! – заорал Антон, не веря своим глазам.

Церковь послужила идеальным приводным маяком. Если бы они летели по приборам, они бы прошли мимо, но золотой свет вывел их точно на глиссаду.

Касание было жестким, но спасительным. Лайнер пробежал по бетонке и замер в конце полосы. В салоне сначала стояла гробовая тишина, а потом взорвались аплодисменты, которые пилоты не слышали за бронированной дверью.

Борис сидел, откинувшись в кресле. Руки, только что державшие штурвал мертвой хваткой, теперь безвольно лежали на коленях. С него градом катился пот.

– Как вы узнали? – шепотом спросил Антон. – Как вы узнали, что там будет окно в облаках?

Борис медленно достал из кармана иконку. Она была теплой. С лица смотрел строгий, но добрый старец в архиерейском облачении.

– Нас вели, Антоха, – хрипло сказал командир. – Нас просто взяли за руку и привели.

Через неделю Борис приехал в то село. Он нашел деревянную церковь на холме. Она была небольшой, уютной, пахла воском и старым деревом. У аналоя служил седобородый священник, отец Василий.

Борис дождался конца службы. Подошел, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Батюшка, – начал он, – я тот пилот, что на днях... ну, вы слышали, наверное.

Отец Василий внимательно посмотрел на него ясными, молодыми глазами из-под густых бровей.

– Слышал, сынок. Весь приход молился. Страшная была ночь.

– Скажите, – Борис сглотнул ком в горле, – а почему у вас подсветка храма горела? Ночь ведь, глухомань, электричество экономят обычно.

Священник улыбнулся, поглаживая бороду.

– Так чудо это, Борис. У нас автоматика на прожекто-

рах барахлила полгода, не включалась. Электрик все обещал прийти, да запил. А в ту ночь, ровно в час пополуночи, сама вспыхнула. Мы со сторожем перепугались даже – сияет, как на Пасху. Сторож хотел рубильник дернуть, а я говорю: «Оставь, Петрович, может, кому путь укажет». А через пять минут гул ваш слышали.

Борис посмотрел на часы. В час пополуночи у них отказали приборы. И именно тогда он воззвал к Николаю.

Он подошел к большой иконе Чудотворца в киоте, опустился на колени – впервые в жизни не потому, что так принято, а потому, что ноги не держали от благодарности. С иконы на него смотрел тот же взгляд, что и с маленького карманного образа. Взгляд Того, кто держит не только мир в своей длани, но и каждый самолет, потерявший управление в ночном небе.

МИНУС ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ

«Мы привыкли искать Бога в вышине, задирая головы к куполам и облакам, но порой, чтобы увидеть Небо, нужно спуститься в сырой подвал. История о том, как обычная кастрюля с постным борщом может стать колоколом, созывающим на литургию милосердия, и как „люди подземелья“ оказываются ближе к Свету, чем обитатели верхних этажей.»

В этом районе дома росли как грибы после дождя – высокие, надменные, сверкающие витражным остеклением. Они смотрели друг на друга пустыми глазницами лоджий, и казалось, что жизнь в них течет исключительно по законам успеха и цифровой эффективности. Но у любого, даже самого элитного дома, есть фундамент. И есть подвал.

Клавдия Ивановна, сухонькая женщина неопределенных лет, с глазами цвета выцветшего василька и руками, узловатыми, как корни старой яблони, владела ключами от этого «минус первого уровня». Официально это называлось «техническое помещение», но для половины района это место было известно как «Ковчег».

– Иннокентий, не части, – строго сказала Клавдия, помещивая огромным половником густое варево в сорокалитро-

вой кастрюле. — Картошка должна дойти. Смирение, другой мой, нужно даже овощам.

Иннокентий, человек с бородой ветхозаветного пророка и в пальто, которое помнило ещё времена покорения космоса, виновато поправил очки с треснувшей дужкой. Он сидел на ящике из-под рассады и читал вслух псалтырь. Читал он удивительно — не бубнил, а словно беседовал с Кем-то невидимым, но очень родным.

— Простите, матушка Клавдия, — пробасил он. — Голод не тетка, а, как говорится, строгий аскет.

В подвале пахло не сыростью и безысходностью, как положено подвалам, а лавровым листом, томленной свеклой и воском. В углу, на полке, освобожденной от инструментов сантехника, стояли иконы. Перед ними теплилась неугасимая лампада — красный огонек в полумраке бетонных стен. Здесь не было золотых окладов, но лики смотрели так пронзительно, что входящие невольно снимали шапки.

Контингент собирался пестрый. Были здесь и «профессиональные» бродяги, потерявшие человеческий облик, и пенсионеры, которым стыдно было просить милостыню у магазина, и заблудшие души, ищущие не столько хлеба, сколько слова. Клавдия Ивановна не спрашивала документов. У неё

был один критерий: если ты пришел, значит, тебя привели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.